

УДК 811.161.1'367.622

Е.А. Скоробогатова

УТВЕРЖДЕНИЕ ПРИЕМА: ГРАММАТИЧЕСКАЯ АТТРАКЦИЯ В ЛИРИКЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ 1922-1923 ГОДОВ

*О.О. СКОРОБОГАТОВА. ЗАТВЕРДЖЕННЯ ПРИЙОМУ: ГРАМАТИЧНА АТРАКЦІЯ У
ЛІРИЦІ МАРИНИ ЦВЕСАЄВОЇ 1922-1923 РОКІВ.*

Граматична атракція розглянута як типологійна характеристика поетичного ідіостилу Марини Цвєтаєвої. Мета статті – дослідити, як різні типи граматичної атракції використовуються Цвєтаєвою у період 1922-1923 років, для якого вони є актуальними. Теоретичним підґрунтям праці слугує вчення про граматичну атракцію О.О. Потебні. Атракцією форм називаємо уподібнення граматичних форм на дериваційному, морфологічному й синтаксичному рівнях тексту. В дослідженні розрізняються випадки невимушеної атракції діахронічного типу й приклади використання атракції як поетичного прийому, орієнтованого на збільшення виразності й фасцинативності віршового тексту. Розглянуті зразки другого типу, що притаманні ліриці поета. Проаналізована роль граматичної семантики одиниць, що були уподібнені, у формуванні поетичних смислів та їхня участь у композиційній будові поезій. Дослідження дало змогу зробити низку узагальнень. У ліриці Марини Цвєтаєвої 1922-1923 років активно використовується граматична атракція різного татунку: дериваційна, морфологічна, синтаксична. У більшості випадків на звуковому рівні вона підтримана паронімічною атракцією. У багатьох поетичних фрагментах атракція різних типів поєднується. Поєднання прийомів уподібнення одиниць різних стратумів й актуалізація прийому призводить до створення поезій, композиція, смисловий та звуковий ритм яких побудовані на атракції форм, значень і смислів. Перспектива дослідження полягає у вивченні формування художньої традиції використання граматичної атракції у російськомовній поезії як версифікаційного прийому, що збільшує багатозначність, ритмічність й фасцинативність поетичного тексту.

Ключові слова: поетичний текст, поетична морфологія, атракція, актуалізація, згущення, співпозиція.

*Е.А. СКОРОБОГАТОВА. УТВЕРЖДЕНИЕ ПРИЕМА: ГРАММАТИЧЕСКАЯ АТТРАКЦИЯ В
ЛИРИКЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ 1922-1923 ГОДОВ.*

Грамматическая аттракция рассмотрена в работе как типологическая характеристика поэтического идиостиля Марины Цветаевой. Цель статьи – проследить, как различные типы грамматической аттракции используются Цветаевой в период 1922-1923 годов, для которого эти приемы являются актуальными. Теоретической основой работы является учение о грамматической аттракции А.А. Потебни. Аттракцией форм называем уподобление грамматических форм на деривационном, морфологическом и синтаксическом уровнях текста. В работе разграничиваются случаи непреднамеренной аттракции диахронического порядка и примеры использования аттракции как поэтического приема, ориентированного на повышение выразительности и fascinatивности стихотворного текста. В работе рассмотрены образцы второго типа, характерные для идиостиля Цветаевой. Проанализирована роль грамматической семантики единиц, подвергшихся уподоблению, в формировании поэтических смыслов и их участие в композиционной организации стихотворений. Исследование позволило сделать ряд обобщений. В лирике Марины Цветаевой 1922-1923 годов широко используется грамматическая аттракция разных типов: деривационная, морфологическая и синтаксическая. В большинстве случаев на звуковом уровне она поддержана паронимической аттракцией. В значительном числе поэтических фрагментов аттракция разных типов совмещается. Совмещение приемов уподобления единиц разных ярусов и активное использование приема приводит к созданию произведений, композиция, смысловая и звуковая ритм которых построены на аттракции форм, значений и смыслов. Перспективой исследования является изучение формирования художественной традиции использования грамматической аттракции в русскоязычной поэзии как версификационного приема, повышающего многозначность, ритмичность и fascinatивность поэтического текста.

Ключевые слова: поэтический текст, поэтическая морфология, аттракция, актуализация, сгущение, соположение.

doi.org/10.34142/2312-1572.2020.01.71.01

O.O. SKOROBHATOVA. STATEMENT OF THE METHOD: GRAMMATICAL ATTRACTION IN THE LYRICS OF MARINA TSVETAeva IN 1922-1923.

The research deals with the grammatical attraction as a typological characteristic of Marina Tsvetaeva's poetic individual style. The purpose of the article is to trace how various types of grammatical attraction are used by Tsvetaeva in the period of 1922-1923, for which these methods are relevant. The theoretical basis of the work is the doctrine of the grammatical attraction of A.A. Potebnya. Attraction of forms is called the assimilation of grammatical forms at the derivational, morphological and syntactic levels of the text. Cases of unintentional attraction of a diachronic order and examples of using attraction as a poetic method focused on increasing the expressiveness and fascinativity of a poetic text are distinguished in the research. Patterns of the second type which are characteristic for Tsvetaeva's individual style are considered. The role of the grammatical semantics of units subjected to assimilation in the formation of poetic meanings and their participation in the compositional organization of verses is analyzed. The study allowed us to make a number of generalizations. The grammatical attraction of various types is widely used: derivational, morphological and syntactic in the lyrics of Marina Tsvetaeva in 1922-1923. In most cases it is supported at the sound level by a paronymic attraction. The attraction of different types is combined in a significant number of poetic fragments. The combination of methods of units assimilation in different groups and the active use of the method leads to the creation of works, composition, semantic and sound rhythm of which are based on the attraction of forms, meanings and senses. The prospect of the study is the study of the formation of the artistic tradition of using grammatical attraction in Russian-language poetry as a versionification method that increases the polysemy, rhythm and fascinativity of the poetic text.

Keywords: poetic text, poetic morphology, attraction, actualization, condensation, juxtaposition.

Явление грамматической аттракции было выделено А.А. Потебней и описано ученым на материале древнерусских текстов. (Подробно вопрос освещен в статье [6, с. 46-51]). Нами было показано, что русские поэты XIX-XXI веков используют грамматическую аттракцию как прием поэтической выразительности и изобразительности [5, с. 327-342]. Регулярным использованием этого приема становится в первой трети XX века, благодаря тому, что его активно начинают применять такие поэты, как Велимир Хлебников и Марина Цветаева, во многом определившие развитие русскоязычной поэзии XX века.

Поэзия Марины Цветаевой изучена в лингвистическом плане очень неравномерно. К неисследованным проблемам ее поэтического идиостиля относится ряд вопросов поэтической грамматики, среди которых использование приемов деривационной, морфологической и синтаксической аттракции. Аттракция разных типов, в том числе грамматическая, является одной из ярких отличительных черт цветаевской поэзии.

Цель этой статьи – проследить, как различные типы грамматической аттракции используются в лирике Цветаевой 1922-1923 годов, которая в выделенном аспекте не исследована.

Аттракцией форм мы, вслед за А.А. Потебней ([3, с. 162]), называем уподобление грамматических форм, связанное или не связанное с «забвением мысли», прежде соединенной с уподобившейся формой. Мы разграничиваем случаи непреднамеренной аттракции диахронического порядка, описанные ученым, и примеры использования аттракции как поэтического приема, ориентированного на повышение выразительности и fascinativity стихотворного текста. В данной работе мы исследуем образцы второго типа.

К типологическим чертам идиостиля мы относим отношение к приему (см., напр.: [2, с. 83], [1, 5-6]), в данном случае грамматическую аттракцию рассматриваем как типологическую характеристику поэтического идиостиля Марины Цветаевой.

Самым продуктивным типом поэтической аттракции в русской поэзии служит избыточный (двойной) повтор предлога в сочетании существительное – прилагательное, например: **На века навечно:** *До первого встречного* (М. Цветаева «Масляница широка!») [7, с. 61]; *А рядочком-то / На площади на главной, / Рванью-ключьями / Утешенные, лавром...* (М. Цветаева «Первородство – на сиротство!») [7, с. 6-7]; *Старопрежнее, на свалку! / Нынче, здравствуй! / И на кровушке на свежей – пляс да яства* [7, с. 7]). Для Цветаевой прием связан с поэтической фольклорной стилизацией, и она безошибочно выбирает древний вариант расположения имен: в примерах этого типа повтор предлога возникает при постпозитивном адъективе (именно в таких случаях в фольклорных текстах возникала необходимость повтора предлога как указателя на грамматическую зависимость прилагательного от препозитивного субстантива). Здесь мы

наблюдаем пример поэтической актуализации внутренней формы древней собственно грамматической модели.

В развитии поэтического нарратива последнего стихотворения Цветаева использует троекратный повтор предлога при препозитивных местоимениях, и здесь мы наблюдаем авторское поэтическое развитие приема: *Вот за тех за всех за братьев / – Не спокоюсь! – / Прости, Иверская Мати! / Отрекаюсь!* [7, с. 7-8].

Подобных примеров в лирике поэта исследуемого периода значительное число, очень часто они в тексте не единичны: *От румяных от щек – / Шаг – до черных до дорог!* (М. Цветаева «А уж так: ни о чем!») [7, с. 57].

Избыточность предлога в ряде случаев поддерживается избыточностью частиц или союзов, например:

Чтоб уж никем уж,

Чтоб ни о ком уж...

(М. Цветаева «Наворковала...») [7, с. 65].

Или

Как по синей по степи

Да из звездного ковша

Да на лоб тебе да...

-- *Сти,*

Синь подушками глуша.

(М. Цветаева «Как по синей по степи») [7, с. 178].

Или

Вон за ту вон за даль,

Вон за ту вон за синь,

Вон за ту вон за сквозь.

Грива вкось, крылья врозь.

(М. Цветаева «Ранне-утреня...») [7, с. 72].

В последнем фрагменте кроме избыточного синтаксически, но необходимого стилистически повторения предлогов и частиц наблюдаем транспозицию предлога *сквозь* в позицию субстантивата (частеречную транспозицию аттрактивного типа). Локализованные в сильной позиции конца стиха и формирующие эпифорический ряд предложно-падежные формы *за даль, за синь, за сквозь* выделены по смыслу и грамматически.

(Прием сгущения избыточных предлогов, союзов и частиц в одном стихотворении во второй половине XX века подхватит и разовьет Юрий Левитанский, а использование наречий и предлогов с пространственным и временным значением в синтаксической позиции субстантивата станет чертой идиостиля Иосифа Бродского.)

Необходимо отметить, что в начале 20-х годов Цветаева начинает активно использовать паронимическую аттракцию, подробно исследованную в работах, посвященных звуковой организации ее стиха. Примеры паронимической аттракции многочисленны и вариативны, в ряде случаев паронимическая аттракция сочетается с морфологической. Например: *Ступь – стать – сталь.* (Цветаева «Новогодняя») [7, с. 14]. По-видимому, прием уподобления актуализируется поэтом на разных языковых уровнях. Для грамматического анализа важно то, что поэт соединяет в смысловую цепочку «псевдооднородных» единиц инфинитив (*стать*), существительное (*сталь*) и окказиональное существительное, образованное по пушкинской модели (*ступь*), или три существительных, если *стать* рассматривать как имя. В первом случае благодаря аттракции форм актуализируется именная сущность инфинитива, во втором – формируется номинативный ряд. Многозначность, свойственная русской поэзии начала XX века, позволяет принять обе трактовки как равно возможные. Уподобление форм, звучаний и смыслов приводит к утрате иерархичности между единицами, на которую указывал А.А. Потебня, описывая следствия аттракции форм. Изображенное оказывается расположенным «в одной плоскости», без перспективы, что в анализируемом примере подчеркивается авторской пунктуацией: тире связывает формы, переводя их в отношения смыслового равноправия.

Грамматической аттракции подвергаются в лирике этого периода слова разных морфологических разрядов. Например, в стихотворении цикла «Сугробы» «Широкое ложе для всех моих рек...» смысловой доминантой и доминантной формой становится дефисное сочетание-бином, которое сначала строится по модели субстантивного дефиснооформленного сочетания с приложением, которая затем перерастает в авторские модели дефисных сочетаний.

*Чужой человек,
Дорогой человек,
Ночлег-человек,
Навек-человек!*
<...>
*Простор-человек,
Ниотколь-человек,
Сквозь-пол-человек,
Прошел-человек.*
[7, с. 52-53].

Первый субстантивный бином (*Ночлег-человек*) мы рассматриваем как существительное с приложением (определением особого типа), так как оно продолжает перечислительный ряд субстантивов с согласованными определениями (*Чужой человек, дорогой человек...*). Последний бином в этой строфе *Навек-человек* соединяет существительное и наречие, но соединяет сходно с предыдущим стихом.

Во второй строфе первое дефисное сочетание *Простор-человек* диктует форму трем последующим: *Ниотколь-человек, Сквозь-пол-человек, Прошел-человек*. И хотя соединение слов в привычную непоэтическую последовательность позволяет как вариант интерпретации сформировать фразу «Человек ниотколь прошел сквозь пол» (вариант наш. – Е.С.), повтор опорного существительного *человек*, запятые между стихами и единая дефиснооформленность создает особое пространство этого стихотворения, где авторские определители при ключевом существительном равновесомы и равнозначны друг другу. В этом случае морфологическая аттракция уступает место синтаксической.

Субстантивные биномы, характерные для языка русской поэзии, в лирике Цветаевой нередко превращаются в полиномы, причем как с типичными определительными отношениями между элементами, так и с более редкими метафорическими и даже метонимическими отношениями, например: *Горбуны-горбы-верблюды – / Прощай, домочады!* (М. Цветаева «А сугробы подаются...») [7, с. 68].

Подобные дефиснооформленные биномы и полиномы Цветаева в этот период и в последующие годы создает очень активно. Прием, основанный на грамматической аттракции, становится особенностью идиостиля поэта.

Обычно аттракции форм и моделей сопутствует актуализация внутренней формы сочетания, слова или словоформы.

*Руды-пожары,
Бури-ворожбы –
Поверх державна
Воркота Божья.*

(М. Цветаева «Наворковала...») [7, с. 65].

В первом бинеме *Руды-пожары* форма *руды* актуализирует внутреннюю форму слова, так как она использована в субстантивной форме, но адъективном этимологическом значении *рудый* – ‘рыжий, красный’ [8, с. 126] (приложением к лексеме *пожар* не может служить современный субстантив *руда* в значении ‘природное минеральное сырье’ [Там же]).

В этом же стихотворении встречаем пример деривационной аттракции: поэт наряду с регулярными приставочными отглагольными дериватами *Наворковала, Наворожила, Накуковала, насулила* использует авторские *Натосковала, Наобмирала* [7, с. 64-66]. Особенно интересна пара *Накуковала – Насоловыла*, поддержанная авторским метатекстуальным пожеланием: (*Чтоб мой лестью / Все тебе птицы...*) [7, с. 66], оформленным как парентеза. Окказионализм *Насоловыла* образован от существительного, а не от глагола, как *Накуковала*, но аттракция дериватов выравнивает словообразовательный сдвиг.

Деривационная аттракция так же, как морфолого-синтаксическая, регулярно сочетается с паронимической, подчиняясь закону тесноты стихового ряда и формируя грамматический ритм. Например, в стихотворении «Леты слепотекущий всхлип...» [7, с. 94-95] встречаем сочетания *слепотекущий всхлип, среброотекущих ив, сребролетейский плеск, в слепотекущий склеп, в сребролетейский плач, слеполетейский мрак*, где чередуются корни и словообразовательные модели, подчиняясь идее синтаксического подобия.

Здесь же наблюдаем формирование доминанты творительного падежа, сочетающейся со сгущением окказиональных плюральных форм абстрактных субстантивов:

<...>, *ибо, выпив всю* –

Сухостями теку.

Тусклостями: уцербленных жил

Скупостями молодых сивилл

Слепостями, головных истом

Седостями: свинцом.

[7, с. 95].

Доминантные граммемы формируют вертикальный ряд, окказиональное формо- и словообразование актуализируют их, кроме этого, первая подчеркнута семантически за счет создания оксюморона (*Сухостями теку*), вторая (*тусклостями*) – парцелляции, три последующих выделены с помощью переноса. Амплификация создается за счет аттракции: дериваты *тусклость*, *слепость*, *седость* построены по моделям отвлеченных существительных *сухость* и *скупость*, единство узуальных и окказиональных лексем поддержано общей плюральной формой. (Приемы плюрализации отвлеченных существительных и формирования падежной доминанты будут активно использоваться поэтом в дальнейшем, формируя черты уникальной цветаевской грамматики.)

Примеры аттракции, на основе которой создаются авторские дериваты, в лирике этого периода встречаются регулярно, словообразовательная аттракция – продуктивный индивидуально-авторский прием: *Дребезга, дрызга, разлучня, / Бойня, живодерня* (М. Цветаева «А сугробы подаются...») [7, с. 95].

Также регулярно встречаются фрагменты с однородными граммемами, особенно часто однородные морфологические ряды (вертикальные и горизонтальные) и падежная морфологическая доминанта (о морфологической доминанте см. подробно в работах [5, с. 373-391], [4]).

При формировании падежной доминанты встречаем фрагменты, организованные сгущением граммем одинаковой формы и одного значения, как в рассмотренном выше фрагменте стихотворения «Леты слепотекущий всхлип...», и фрагменты, в которых наблюдаем сгущение однопадежных форм при соположении падежных значений, как во фрагменте стихотворения «Лютая юдоль»:

Бог с замыслами! Бог с вымыслами!

Вот: жаворонком, вот: жимолостью,

Вот: пригоршнями: вся выплеснута

С моими дикостями – и тихостями,

С моими радугами заплаканными,

С подкрадываньями, забарматываньями.

[Цветаева 2012, с. 84].

Единая доминанта творительного падежа сформирована граммемами, передающими три разных падежных значения. Актуализация этой падежной формы путем сгущения используется рядом поэтов XX века, но лишь Цветаева при этом создает неповторимый рисунок стиха, формирующий грамматический и смысловой ритм всего фрагмента.

В лирике этого периода встречаем целые стихотворения, основанные на амплификации морфологических, синтаксических и деривационных единиц, уподобившихся друг другу под действием закона единства и тесноты стихового ряда. В отдельных случаях аттракции подвергаются разнородные единицы, но «эксплуатация» приема приводит к формированию звукового и грамматического единства. Например, в стихотворении «Как по синей по степи...» (фрагмент этого стихотворения с аттракцией предлогов и союзов рассмотрен выше. – Е.С.) после каждой из трех строф следует рефрен:

<...>

Дыши да не дунь,

Гляди да не глянь.

Волюнь-криволунь,

Хвалынь-колывань.

<...>

Лежи – да не двинь,

Дрожи – да не грянь.

Волюнь-перезвонь,

Хвалынь-завирань.

<...>

Лови – да не тронь,
Тони – да не кань.
Волян-перезвонь,
Хвалын-целовань.
[7, с. 179-180].

Рефрен формирует звуковой и смысловой орнамент всего стихотворения, он основа композиционного решения произведения, которое имеет подзаголовок (*Колыбельная*). Каждый фрагмент повторяет предыдущий и отличается от него. Поэтическая аттракция композиционного типа опирается на грамматическую и паронимическую аттракцию внутри каждого фрагмента.

В первом фрагменте наблюдаем соположение однокоренных граммем повелительного наклонения, противопоставленных по виду (*Дыши – не дунь, Гляди – не глянь*), с ними корреспондируют субстантивные биномы с повтором-отзвуком (*Волян-криволунь, Хвалын-колывань*), причем здесь есть и узуальные, и окказиональные единицы. Звукопись и паронимическая аттракция объединяют глагольные и именные формы в единый орнаментальный блок.

Во втором и третьем фрагментах соположенные глагольные граммы также противопоставлены по виду, но они уже не однокоренные, находятся в отношениях контекстуальной антонимии и разъединены тире. Субстантивные биномы созвучны биномам первого рефрена, отзвуки отличаются, хотя и сохраняют прежний ритмический рисунок.

Разбор всех видов уподоблений, использованных в этом стихотворении, может служить предметом отдельной работы, здесь отметим лишь, что аттракция разных типов внутри строф и аттракция целых фрагментов создает рекурсивно-фрактальную композицию всего произведения.

Подводя итог изложенному, приходим к следующим выводам.

В лирике Марины Цветаевой 1922-1923 годов широко используется грамматическая аттракция разных типов: деривационная, морфологическая и синтаксическая. В большинстве случаев на звуковом уровне она поддержана паронимической аттракцией.

В значительном числе поэтических фрагментов аттракция разных типов совмещается.

Совмещение приемов уподобления единиц разных типов и «эксплуатация» приема приводит к созданию произведений, композиция, смысловая и звуковая ритм которых построены на аттракции форм, значений и смыслов.

Аттракция разных типов выступает как одна из идиостилевых черт поэзии Цветаевой.

Перспективой исследования является изучение формирования поэтической традиции использования грамматической аттракции как весификационного приема, повышающего многозначность, ритмичность и фасцинативность поэтического текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козлов Є.Д. Поетична морфологія ідіостилію Б. Ахматуліної і Ю. Моріц. Автореф. дис... канд. філол. н. Спеціальність 10.02.02 – російська мова. Харків, 2016. 20 с.
2. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста. М.: Наука, 1990. 304 с.
3. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике / Т. III. Об изменении значения и заменах существительного. М.: Просвещение, 1968. 551 с.
4. Самсоненко Н.І. Морфологічна домінанта поетичного тексту (на матеріалі російськомовної поезії XIX-XXI століть). Автореф. дис... канд. філол. н. Спеціальність 10.02.02 – російська мова. Харків, 2018. 20 с.
5. Скоробогатова Е.А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени): Монография. Харьков: НТМТ, 2012. 480 с.
6. Скоробогатова О.О. Теорія граматичної атракції О.О. Потебні в дослідженні грамматики віршового тексту // Мовознавство. № 6. 2015. К.: Ін-т мовознавства ім. О.О.Потебні, 2015. С. 46–51.
7. Цветаева М. Земные приметы. Харьков: Фолио, 2012. 192 с.
8. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 2: Панцирь – Ящур. М.: Рус.яз. – Медиа, 2007. 559 с.

REFERENCES

1. Kozlov I.D. Poetichna morfologiya idiostilyu B. Ahmadulinoï i YU. Moric. Avtoref. dis... kand. filol. n. Special'nist' 10.02.02 – rosijs'ka mova. Harkiv, 2016. 20 s.
2. Ocherki istorii yazyka russkoj poezii HKH veka. Poeticheskij yazyk i idiostil': Obshchie voprosy. Zvukovaya organizaciya teksta. M.: Nauka, 1990. 304 s.
3. Potebnya A.A. Iz zapisok po russkoj grammatike / T. III. Ob izmenenii znacheniya i zamenah sushchestvitel'nogo. M.: Prosveshchenie, 1968. 551 s.
4. Samsonenko N.I. Morfologichna dominanta poetichnogo tekstu (na materialy rosijs'komovnoï poeziiï ННН-НННІ stolit'). Avtoref. dis... kand. filol. n.
5. Skorobohatova O.O. Grammaticheskie znacheniya i poeticheskie smysly: poeticheskij potencial russkoj grammatiki (morfologicheskie kategorii i leksiko-grammaticheskie razryady imeni): Monografiya. Har'kov: NTMT, 2012. 480 s.
6. Skorobohatova O.O. Teoriya gramatichnoï atrakcii O.O. Potebni v doslidzhenni gramatiki virshovogo tekstu // Movoznavstvo. № 6. 2015. K.: Int. movoznavstva im. O.O.Potebni, 2015. S. 46–51.
7. Cvetaeva M. Zemnye primety. Har'kov: Folio, 2012. 192 s.
8. CHernyh P.YA. Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t. T. 2: Pancir' – YAshchur. M.: Rus.yaz. – Media, 2007. 559 s.

(Статья поступила в редакцию 4 октября 2019 г.)

Скоробогатова Елена Александровна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой славянских языков Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды. ORCID ID: 0000-0003-0214-1889. E-mail: skorobogatova.elena@gmail.com